

FRONTIER ISSUES IN CULTURAL MEMORY RESEARCH

Daniil A. Anikin (a)

(a) Moscow State University / Financial University under the Government of the Russian Federation,
Lipetsk Branch. Moscow/Lipetsk, Russia. E-mail: dandee[at]list.ru

Abstract

The article analyzes the application of the concept of “frontier” to the study of the spatial dynamics of cultural memory. The author examines the evolution of spatial methodology in “memory studies”, identifying spatial, network, and streaming stages. The space is characterized by homogeneity of collective memories, the network allows revealing discreteness and heterogeneity of cultural memory, and the flow makes it possible to analyze the interweaving of different memorial practices referring to different cultural contexts. Shifting the memory understanding from a static state to a nonlinear and multi-layered process leads to a rethinking of the “frontier” category. Geographical determinism is abandoned, as a result of which border zones can now be called not only certain territories, but also images of cultural memory, which become points of contact and opposition of various strategies of addressing the past. The front line within the framework of the streaming methodology is characterized by mobility and relativity, as its specific outlines are established by claims of certain collective subjects to specific memorial images. This is evident in the context of a modern mobile society in which different communities, such as migrants and indigenous peoples, are interpenetrated.

Keywords

cultural memory; frontier; border; spatial methodology; network; flow

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ПРОБЛЕМАТИКА ФРОНТИРА В ИССЛЕДОВАНИЯХ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Аникин Даниил Александрович (а)

(а) Московский государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва), Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ (Липецк). Москва/Липецк, Россия.
E-mail: dandee[at]list.ru

Аннотация

В статье анализируется применение понятия «фронтир» к изучению пространственной динамики культурной памяти. Автор рассматривает эволюцию пространственной методологии в «memory studies», выявляя пространственную, сетевую и потоковую стадии. Пространство характеризуется однородностью коллективных воспоминаний, сеть позволяет выявить дискретность и гетерогенность культурной памяти, а поток делает возможным анализ переплетения мемориальных практик, отсылающих к различным культурным контекстам. Сдвиг понимания памяти от статичного состояния к нелинейному и многослойному процессу приводит к переосмыслению категории «фронтир». Происходит отказ от географического детерминизма, в результате чего пограничными зонами могут называться не только определенные территории, но и образы культурной памяти, которые становятся точками соприкосновения и противостояния различных стратегий обращения к прошлому. Фронтир в рамках потоковой методологии характеризуется подвижностью и реляционностью, поскольку его конкретные очертания устанавливаются претензиями тех или иных коллективных субъектов на конкретные мемориальные образы. Это свойство отчетливо проявляется в условиях формирования современного мобильного общества, в котором происходит взаимопроникновение различных сообществ, например, мигрантов и коренного населения.

Ключевые слова

культурная память; фронтир; граница; пространственная методология; сеть; поток

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ: ОТ СЕТИ К ПОТОКАМ

Исследования культурной памяти в последние десятилетия стали одной из наиболее динамично развивающихся областей социально-гуманитарного знания, о чем свидетельствует постепенная институализация «memory studies» как в мировом сообществе, так и в российской науке. Но, несмотря на успешно сформированный ряд предшественников и классиков, куда обязательно попадают Э. Дюркгейм, М. Хальбвакс, П. Нора, А. Варбург, методологические основания этой дисциплины продолжают оставаться не до конца согласованными. На повседневном уровне этот фактор проявляется в увеличении количества исследований, где память, наделенная эпитетами «коллективная», «социальная», «историческая», «культурная», превращается в универсальный термин, способный с успехом заменить целый ряд категорий – начиная от традиции и заканчивая культурой.

Р. Брубейкер конкретизировал упреки к существующим исследованиям памяти в нескольких пунктах:

1. Трудность выбора «золотой середины» между двумя крайностями – предельной широкой трактовкой памяти, делающей ее воплощением всех исторических явлений, и сужением исследовательского поля до анализа отдельных явлений, без стремлений хоть к каким-либо обобщениям. Необходимость теории «среднего уровня» (в терминологии Р. Мертон) определяется стремлением обозначить специфику мемориальных исследований, которая в противном случае полностью исчезает, либо сводясь к неопозитивистской микроистории, либо растворяясь в безбрежных просторах философии истории.

2. Необходимость отказа от радикального конструктивизма в понимании культурной памяти. Дихотомия «реализм – конструктивизм» оказалась заложена в «memory studies» еще до их возникновения, поскольку Морис Хальбвакс, впервые четко обозначивший данный термин, являлся последователем позитивистской традиции, что существенно повлияло на характер его исследований. Искажающий характер воспоминаний необходимо было исследовать именно для того, чтобы суметь отделить «зерна от плевел», ложную картину прошлого от настоящей, реконструкция которой и является целью любого исторического исследования (Хальбвакс, 2007, стр. 120-122). Подобная установка не помешала Хальбваксу в своих статьях определить многие направления дальнейших исследований, попутно обозначив вопрос о возможности существования «чистой» истории, избавленной от шелухи искаженных человеческих воспоминаний.

Ответной реакцией на долгое засилье реализма стал всплеск конструктивистских представлений о культурной памяти, которые ради-

кально переосмыслили позитивистские истоки проблематики, уже не противопоставляя историю памяти, а констатируя полное исчезновение прошлого, которое способно существовать только в виде воспоминаний, сконструированных под влиянием политических или культурных факторов. Естественно, что при подобном подходе игнорировались закономерности формирования образов прошлого, их сложная связь с реальными событиями, этические, эстетические и гносеологические рамки, которые позволяют сохранять устойчивость тех или иных воспоминаний, породить осознание преемственности.

3. Преувеличенное представление о роли культурной памяти в социально-политических процессах. Публичные высказывания, как показывает практика, далеко не всегда являются отражением объективных процессов, протекающих во взаимодействии различных социальных групп, поэтому любое предположение о влиянии образов прошлого на современные конфигурации социального пространства необходимо фактически обосновывать. В противном случае возникает соблазн придать узким спорам профессиональных историков характер общенациональных дискуссий о судьбах не столько прошлого, сколько современного состояния общества. (Брубейкер, 2012, стр. 32)

Именно поэтому вполне обоснованным стало высказанное несколько лет назад пожелание не только конкретизировать сам предмет исследования, но и существенно сузить исследовательское поле, отказавшись от излишней психологизации памяти и сведя данный термин к совокупности социальных практик, направленных на поддержание или воссоздание определенных образов прошлого (Olick J., Robbins J., 1998, p. 105-140). Это стремление и привело к появлению так называемой «третьей волны *memory studies*», которая стремится абстрагироваться не только от многочисленных психологов и историков, но и, как ни парадоксально, от самих основоположников мемориальных исследований, просто в силу того, что их методологические подходы представляются устаревшими.

На каких же принципах строится новое понимание мемориальных исследований? Как считает Ю.А. Сафронова, такими принципами стоит считать трансдисциплинарность, стремление отказаться от европоцентризма, попытки построения единой методологии изучения мемориальных практик как процессов изменения значений прошлого (Сафронова, 2018, стр. 29-30).

Именно здесь на помощь представителям социальных наук (социологам и политологам) приходят на помощь философы, потому субординация научного поиска строится на переходе от общего к частному – от выработки общего теоретического подхода к поиску

конкретных методик, способных подтвердить или опровергнуть теоретически постулируемые положения.

В этом смысле важное значение имеет трансформация пространственного подхода к памяти, поскольку предпосылки такого подхода оказались заложены еще в работах М. Хальбвакса, использовавшего метафору «рамок памяти» для определения тех социальных и психологических границ, которые устанавливают пределы трансформации образов прошлого.

Расслоение традиционных общностей в условиях массовизации и информатизации социальной реальности привело к тому, что образы гомогенных и неизменных «рамок памяти» перестали выступать методологическим инструментарием для социального исследования. Сама память начинает пониматься Пьером Нора как совокупность разрозненных «мест памяти», что существенно трансформирует и понимание границ памяти, которые начинают восприниматься как подвижные и обозначающие, по сути, лишь совокупность тех «мест памяти», которые являются определяющими для какого-то сообщества (Нора, 1999, стр. 18-22). Важным аспектом сетевой модели культурной памяти стало сосредоточение внимание на тех связях, которые обеспечивают сочленение отдельных образов прошлого в сознании конкретного представителя определенного сообщества. Но сетевая модель также имела свои методологические ограничения при изучении процессов развития и трансформации культурной памяти.

Дело в том, что сетевая изменчивость имеет свои пределы, поскольку идентичность объекта определяется сохранением «ядра устойчивых отношений», то есть совокупности связей между отдельными узлами сети, выключение каждого из которых приведет к изменению функционального или символического содержания объекта. Но такое ограничение имеет смысл лишь тогда, пока мы мыслим лишь ограниченными объектами, рассматривая саму динамику как некое внешнее свойство, направленное на разрушение (рано или поздно) изучаемого нами предмета. Если же мы признаем динамику в качестве имманентного свойства каждого явления, которое поэтому имеет смысл называть уже не объектом, а процессом, то критерий включения/выключения определенных связей перестает быть жизненно важным для процесса идентификации. Как отмечает В.С. Вахштайн,

«то, что является разрывом формы в пространстве сетей, не является им в иной топологической системе, описанной Джоном Ло, в пространстве потоков. В этом пространстве изменение отношений – необходимое условие конституирования объекта» (Вахштайн, 2006, стр. 29).

Потоковая модель культурной памяти позволяет рассматривать изменения как неотъемлемый элемент природы самой памяти, особенно в условиях современного мобильного общества, когда размываются культурные границы и различные формы идентичности оказываются вполне совместимыми. Переосмысленным оказывается и само понятие сообщества, поскольку процесс создания культурной памяти в качестве обеспечения легитимации и консолидации определенного сообщества превращается в процесс трансформации и самого сообщества, а отношения между коллективом и образами прошлого становятся взаимозависимыми. С одной стороны, сообщество создает себе память, но с другой – уже сформированные образы прошлого перестают строго совпадать с контурами сообщества, обретая логику самостоятельного существования. В этом смысле мнемоническое сообщество, вопреки мнению Д. Верча, не совпадает с определенными институциональными границами, ведь сходство тех или иных интерпретаций прошлого может возникать у представителей самых разных сообществ, причем по различным основаниям (Верч, 2018, стр. 15-32). Более того, само сообщество перестает быть устойчивой социальной единицей, приобретая «текущую социальность», обусловленную постоянным изменением его границ, составных элементов, но при сохранении дискретно функционирующих связей и гибких способов идентификации. Гибкость идентификации проявляется в том, что индивид оказывается в своеобразном пограничном состоянии, в котором континуальность его принадлежности к определенному сообществу выступает лишь установкой сознания, в то время как объективные контуры этого сообщества могут существенно трансформироваться. Именно поэтому столь актуальным для описания современных мемориальных практик оказывается понятие фронта.

ФРОНТИР В КОНТЕКСТЕ ПОТОКОВОЙ МОДЕЛИ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Фронтир как элемент пространственного описания действительности имплицитно присутствовал в исследованиях памяти, изначально выступая в качестве обозначения тех пограничных зон, где происходит распад и символическое перекодирование коллективных воспоминаний. В этом большую роль сыграла история самого понятия «фронтир», которое было впервые использовано Ф. Тернером при описании Дикого Запада в качестве сдвигающейся границы варварства и цивилизации (Turner F.J., 1921, p. 5-6). Но даже в начале XX века фронтир представлял собой сочетание как географических, так и символических маркеров своеобразной территории, где искажаются

все юридические и моральные нормы, свойственные культурному центру, причем сама обстановка фронта превращает его в «плавильный котел» по созданию гибридных форм культурной идентичности.

«Несмотря на определенную географическую детерминированность (наличие или отсутствие естественных преград, особенности ландшафта и т.д.), фронт в большей степени маркирует сферы влияния различных социальных общностей, выступая не непроницаемым барьером, а, скорее, неоднородной прослойкой, своеобразным «буфером» между разнонаправленными культурами. Если граница вырастает из архаичного противопоставления сакрального и профанного, то фронт является признаком децентрализованного и размытого социального пространства, в котором отсутствует жесткое разделение на сегменты» (Аникин, 2015, стр. 12).

Таким образом, фронт становится из географического понятия важной категорией в современных исследованиях культурной памяти, поскольку его применения позволяет говорить о наслаивающихся друг на друга разрозненных мемориальных практиках, образующих палимпсест. В условиях рассогласованности политических, социальных и символических границ фронт становится местом для осуществления «войн памяти» в силу претензий различных сообществ на общие места памяти, но также он выступает и в качестве буферной зоны, способной порождать гибридные формы мемориальных практик.

Ситуация мемориального фронта характеризуется наличием определенных образов прошлого, которые включаются в мемориальные конфигурации различных сообществ, но в разных структурных позициях. Речь идет не только о семиотических вариациях на тему одного и того же события (например, по поводу оценок результативности Бородинского сражения), но и о том, как публичная репрезентация одного воспоминания автоматически способствует распределению всех остальных по нескольким мемориальным локациям.

Д. Ло в рамках своей «сетевой топологии» называет такой способ формирования определенной устойчивой структуры «методом-сборкой», давая следующее определение:

«Метод-сборка – это создание отношений, формирующих, опосредующих и отделяющих друг от друга объект здесь-внутри, его релевантный контекст там-вовне и неограниченное множество внешних отношений, процессов и всего остального, являющихся частью сборки, но из нее исчезающих» (Ло, 2015, стр. 176).

С точки зрения акторно-сетевого подхода указанный перечень операций существует лишь в качестве методологического инструментария исследователя, составляющего его «лабораторию» по выстраиванию системы связей между различными объектами исследования – материальными или мыслительными. Но при этом подобная операция, проиллюстрированная самими представителями акторно-сетевого подхода на лечении алкогольного поражения печени (Ло, 2015, стр. 147-157), отлично применима и к процессам политического использования образов прошлого.

Каким же образом метод-сборка позволяет создавать не только конкретные образы прошлого, но и указывать на отсутствие определенных образов? Д. Ло объясняет данный процесс с помощью различения трех компонентов: присутствия, явленного отсутствия и инаковости.

1. Присутствие представляет собой эффект, учреждаемый посредством определенных процедур и социальных практик, причем, как оговаривается сам Д. Ло, данный эффект представляет собой сложное сочленение материальных объектов и создаваемых репрезентаций, а проведение точного различия между ними является затруднительным, поскольку даже простое наименование исторического факта уже представляет собой его интерпретацию в рамках какой-либо мемонической традиции.

2. Явленное отсутствие означает умолчание о тех элементах изучаемого объекта, которые предполагаются предшествующим контекстом его исследования, поэтому сам факт явленного отсутствия заставляет предполагать определенную нарочитость, нуждающуюся в интерпретации. Эта нарочитость может предполагать лишь стремление избежать естественно подразумеваемого контекста, а может выступать способом абстрагирования от него в силу каких-либо причин. Сам Д. Ло склоняется к первому варианту, указывая, что «рассекаемые сосуды связаны с вызвавшими болезнь факторами в прошлом и имеют последствия для способов лечения в будущем» (Ло, 2015, стр. 177). Но в контексте изучения культурной памяти принципиально важным становится именно диахроническое измерение явленного отсутствия – оно подразумевает определенные исторические предпосылки, а также следствия, основывающиеся на привычном контексте определения причинно-следственных связей. Это означает, что присутствие помещается в определенный культурный кокон, контуры которого (а именно – предел допустимых вариаций явленного отсутствия) определяются исключительно конституирующим данный факт сообществом.

3. Инаковость представляет собой другую форму отсутствия, которая возникает в силу выпадения из культурного контекста. Инаковость всегда есть, но она остается в латентном состоянии, пока изменение границ культурного контекста не превращает ее из «слепого пятна» в очевидное исключение из состава присутствия.

Указанное различие можно пояснить на простом примере, иллюстрирующем сборку (и пересборку) памяти о Второй мировой войне в контексте современных социальных связей и политических установок. 7 мая 2020 года Министерство обороны США опубликовало презентацию под названием «День Победы в Европе: время празднования, осмысление», в которой связало победу над Германией исключительно с действиями США и их союзников, в частности, с открытием «второго фронта» в 1944 году (Victory in Europe Day, 2020). В данном случае присутствием будет являться факт упоминания США, Великобритании и Франции в контексте победы над Германией, явленным отсутствием выступает умолчание о роли СССР в этом событии, а инаковость будет обозначена отсутствием упоминаний о таких странах, как Папуа – Новая Гвинея или Зимбабве, поскольку весь предшествующий контекст коммеморативных практик по поводу завершения Второй мировой войны не включал их в себя. Границы между явленным исключением и инаковостью как раз и представляют собой определенный мемориальный фронтир, поскольку изменение границ мнемонического сообщества как субъекта коллективных воспоминаний способствует перемещению определенных образов прошлого из сферы коллективного бессознательного в пространство символической конкуренции.

МНЕМОНИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ФРОНТИРА: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРЕДЕЛЫ КОММУНИТАРИЗМА

Потенциальная рискогенность и конфликтогенность мемориального фронта определяет важность выстраивания стратегий урегулирования символических конфликтов, особенно в тех ситуациях, когда символические «войны памяти» могут перейти в реальные социальные конфликты. Наиболее показательной ситуацией такого перехода является взаимодействие коренного населения и мигрантов, причем в условиях современного мобильного общества подобные взаимодействия превращаются из экстраординарного события в постоянный элемент повседневного существования. В том и заключается парадокс мемориального фронта, что индивид оказывается в пограничной зоне не потому, что совершает социальное или физическое перемеще-

ние, а потом что динамично меняется само пространство его постоянных связей (Аникин, 2020, стр. 66-72). Фронтир становится способом существования современного человека, что порождает вполне определенные требования к его культурным навыкам, например, умению адаптироваться к постоянно меняющимся условиям функционирования и границам сообщества. В этом смысле большую роль играет мнемоническая адаптация.

Мнемоническая адаптация – процесс включения индивидуальных и коллективных воспоминаний мигрантов в структуру культурной памяти принимающего сообщества с целью формирования гибридной идентичности. Но сама по себе гибридная идентичность не является целью мнемонической адаптации, а представляет собой важный промежуточный этап на пути к устранению или минимизации конфликтов между коренным населением и миграционными сообществами.

Важной предпосылкой мнемонической адаптации становится понимание локального сообщества как субъекта культурной памяти. Именно сообщество (community) не в качестве синонима любой социальной группы, а как совокупность индивидов, связанных общими социальными практиками, может рассматриваться в качестве механизма преодоления мемориальных войн и конфликтов.

Не удивительно поэтому, что философской реакцией на предельную плюрализацию и индивидуализацию стало возникновение философского коммунитаризма, представленного М. Сэнделом, Ч. Тейлором, М. Уолцером. Из лозунга Великой Французской революции им ближе всего оказалось понятие братства, в котором они увидели противоядие против социалистического уравнивания и либеральной свободы. На теоретическом уровне коммунитаризм провозглашает важность социального контекста для формирования личностных ценностей, подчеркивая, что даже сторонники крайнего индивидуализма имеют подобные представления лишь потому, что они были усвоены в процессе социализации, от ближайшего окружения (Этциони, 2004, стр. 13-15). На смену глобальным абстракциям вроде государства или нации, которые вынуждены создавать обобщенные и потому обезличенные формы мемориальных практик, по мнению коммунитаристов, приходят локальные практики, создаваемые местным сообществом и потому обладающие существенной моральной значимостью для всех, кто считает себя частью этого сообщества.

Опора на коммунитаристские ценности существенно меняет временные координаты социальной жизни, поскольку позволяет сдвинуть акценты с прошлого даже не на настоящее, а на будущее. Разумеется, любое сообщество, как справедливо считал еще Э. Дюркгейм, нужда-

ется в общих воспоминаниях, которые должны периодически актуализироваться в форме проведения совместных ритуалов. Но само существование подобных ритуалов предполагает вполне осознанную функциональную направленность. Иначе говоря, сообщество проводит ритуалы для того, чтобы оставаться сообществом, а не сохраняет свою идентичность для того, чтобы было кому проводить ритуалы. Ритуалы выполняют лишь вспомогательную функцию, помогая скрепить солидарность в уже сформировавшемся сообществе, что автоматически означает иные корни возникновения данного сообщества. Для того, чтобы возникли ритуалы, само сообщество (community) уже должно существовать. Как считает А. Этциони, «коммюнити влияет как на исходные личностные предпочтения, так и, в значительной степени, на изменения в этих предпочтениях. Интернализация ценностей через такие коммунальные (общественные) процессы, как моральное просвещение, убеждение и лидерство, изменяет формы исходных личностных предпочтений так же, как и длительный период времени» (Этциони, 2012).

Подобное понимание позволяет существенно уточнить и раскрыть понятие мнемонической адаптации. Она оказывается направленной не на приспособление одной социальной группы к другой – и здесь совершенно неважно, идет ли речь о приспособлении мигрантов к коренному населению или коренного населения к мигрантам, – а на формирование гибридной идентичности определенного локального сообщества.

Важно понимать, что подобная идентичность предполагает не механическое объединение образов прошлого, важных для представителей того или иного сообщества, в относительно связный нарратив. Во-первых, потому что связность подобного нарратива всегда будет оставаться весьма относительной, а во-вторых, потому что вопрос о доминировании определенных образов прошлого даже в обозначенных дискурсивных рамках будет оставаться фактором потенциальных социальных расколов. В качестве примера можно использовать ситуацию с празднованием Дня Победы в Российской Федерации, который, согласно всем социологическим опросам, остается одним из главных праздников для россиян. (Левада-Центр, 2019) Но важно понимать, что его использование в качестве механизма мнемонической адаптации мигрантов из бывших советских республик опирается на презумпцию того, что мемориальное пространство этих стран в своих узловых точках совпадает с российским мемориальным пространством. Если же исходить из того, что изменение культурной памяти приводит к символическому перекодированию тех памятных дат, которые

являются наследием общего советского прошлого, то приходится признать, что использование Дня Победы в качестве источника символической консолидации зачастую является лишь демонстрацией ограниченности официального дискурса. Применительно к локальным сообществам национальные мемориальные практики существенно сужают возможность преодоления внутренних разногласий и формирования общественного консенсуса.

Таким образом, речь идет о формировании нового локального нарратива, ориентированного на конкретное сообщество, причем работающего не на воссоздание «утраченного прошлого», а на созидание предполагаемого будущего. В этом смысле культурная память в условиях современного мобильного общества не только приобретает характеристики постоянной текучести, но и переориентируется с прошлого на будущее, с историзма на футуризм.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20149).

Список литературы

- Olick, J. & Robbins, J. (1998) Social memory studies: From «collective memory» to the historical sociology of mnemonic. *Annual review of sociology*, 24(1), 105-140. Doi: 10.1146/annurev.soc.24.1.105
- Turner, F. J. (1921). *The Frontier in American History*. New York: Holt.
- Victory in Europe Day (2020). *Time of Celebration, Reflection*. Retrieved from <https://www.defense.gov/Experience/VE-Day/>
- Аникин, Д. А. (2016). Фронтир и граница: пространственная методология в современных «Memory studies». В *Философия и методология истории* (стр. 8-15). Коломна.
- Аникин, Д. А. (2020). Трансфер прошлого: культурная память в условиях миграционных потоков. *Вестник Томского государственного университета*, (452), 66-72
- Брубейкер, Р. (2012). *Этничность без групп*. М.: Издательской дом Высшей школы экономики.
- Вахштайн, В. С. (2006). Джон Ло: социология между семиотикой и топологией. *Социологическое обозрение*, 5(1), 24-29.
- Верч, Д. (2018). Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти: мнемоническое противостояние между Россией и Западом по поводу Украины. *Историческая экспертиза*, (2), 15-32.

- Левада-центр, (30 апрель, 2019). *День Победы*. Retrieved from <https://www.levada.ru/2019/04/30/den-pobedy-3/>
- Ло, Д. (2015). *После метода: беспорядок и социальная наука*. М.: Издательство Института Гайдара.
- Нора, П. (1999). Между памятью и историей, проблематика мест. В *Франция-Память* (стр. 17-50). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Сафронова, Ю. А. (2018). Третья волна memory studies: Двадцать три года против шерсти. *Политическая наука*, (3), 12-31.
- Хальбвакс, М. (2007). *Социальные рамки памяти*. М.: Новое издательство.
- Этциони, А. (2004). *От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям*. Москва: Ладомир.
- Этциони, А. (2012). *Коммунитаризм как ключ к мировой легитимности*. Retrieved from <http://pu.virmk.ru/arhiv/2012/02/Etzioni-Petrosyan.htm>

References

- Anikin, D. A. (2016). Frontier and boerder: spatial methodology in modern “Memory studies”. In *Philosophy and Methodology of History* (p. 8-15). Kolomna. (in Russian)
- Anikin, D. A. (2020). Transfer of the past: cultural memory in conditions of migratory flows. *Bulletin of Tomsk State University*, (452), 66-72 (in Russian)
- Brubaker, R. (2012). *Ethnicity without groups*. М.: Publishing House of the Higher School of Economics. (in Russian)
- Etzioni, A. (2004). *From empire to community: a new approach to international relations*. Moscow: Lodomir. (in Russian)
- Etzioni, A. (2012). *Communitarianism as the key to world legitimacy*. Retrieved from <http://pu.virmk.ru/arhiv/2012/02/Etzioni-Petrosyan.htm> (in Russian)
- Halbwax, M. (2007). *Social framework of memory*. М.: New publishing house. (in Russian)
- Law, D. (2015). *After the method: mess and social science*. М.: Publishing house of the Gaidar Institute. (in Russian)
- Levada Center, (April 30, 2019). *Victory Day*. Retrieved from <https://www.levada.ru/2019/04/30/den-pobedy-3/> (in Russian)
- Nora, P. (1999). Between memory and history, the problems of places. In *France-Memory* (p. 17-50). SPb.: Publishing House of St. Petersburg University. (in Russian)

- Olick, J. & Robbins, J. (1998) Social memory studies: From "collective memory" to the historical sociology of mnemonic. *Annual review of sociology*, 24 (1), 105-140. Doi: 10.1146/annurev.soc.24.1.105
- Safronova, Yu. A. (2018). Third wave of memory studies: Twenty-three years against wool. *Political Science*, (3), 12-31. (in Russian)
- Turner, F. J. (1921). *The Frontier in American History*. New York: Holt.
- Verch, D. (2018). Narrative tools, truth and quick thinking in national memory: the mnemonic confrontation between Russia and the West over Ukraine. *Historical Expertise*, (2), 15-32. (in Russian)
- Victory in Europe Day (2020). *Time of Celebration, Reflection*. Retrieved from <https://www.defense.gov/Experience/VE-Day/>
- Wachstein, V. S. (2006). John Law: Sociology between semiotics and topology. *Sociological Review*, 5(1), 24-29. (in Russian)